

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-29-43>
EDN: QLLCIK

Научная статья / Research Article

Метафорическая модель семантизации идей права

И.А. Ярошук

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород, Российская Федерация
[✉ yaroshchuk@bsu.edu.ru](mailto:yaroshchuk@bsu.edu.ru)

Аннотация. Право, как особый род идеального бытия, порождает свою систему идей и смыслов, в вербальной репрезентации которых задействованы не только прямономинативные языковые единицы, но и семантические тропы, а именно, метафора, являющаяся малоизученным лингвистическим феноменом в правовой науке, функционирование которого в языке права многими исследователями отрицается. Однако метафора представляет собой неотъемлемую составляющую природы права, реализованную в его различных источниках. Закрепляясь на глубинных структурах языка, метафора позволяет апеллировать априорными идеями права метафизического уровня, неподвластными рациональной аргументации, которые становятся неотъемлемой частью правовой системы, делая правовой текст понятным и доступным для реципиента. Актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью исследования метафорических значений правового языка на этапе создания права и интерпретации правовых реалий с применением методов семантического анализа, и в целом – усилением интереса к метафоре, метафорической модели в современной науке, а также недостаточной разработанностью вопросов, связанных с функционированием метафоры в правовом пространстве. Новизна идеи, положенной в основу работы, заключается в применении метафорических моделей для интерпретации правовых текстов. В связи с чем цель настоящей работы – доказать, что метафорические механизмы не чужды языку права, метафорическая модель является одной из самых продуктивных в процессе семантизации идей права. Актуальным оказывается применение лингвистического инструментария, прежде всего методов семантического анализа, в отношении изучения правового языка и языка права в частности. Современный методологический инструментарий лингвистики способен дополнить традиционные методы правовой аргументации и интерпретации, актуализировав их форму и содержание. Основными методами исследования явились лингво-юридический, логико-языковой, методы исторического анализа, контекстуального и мотивационного анализа. Частотность и универсальность механизма метафорического моделирования для языка права, актуализирующего новые функции метафоры.

Ключевые слова: язык права, нормативно-правовой акт, семантика, семантический троп, метафора, мотивационный анализ, символ, метонимия, метафорическое моделирование

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Ярошук И.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Поступила в редакцию: 31 июля 2023 г.

Принята к печати: 15 января 2024 г.

Для цитирования:

Ярошук И.А. Метафорическая модель семантизации идей права // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 1. С. 29–43. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-29-43>

Metaphorical model of semantization of ideas of law

Inna A. Yaroshchuk

Belgorod State National Research University, *Belgorod, Russian Federation*

 yaroshchuk@bsu.edu.ru

Abstract. Law as a special kind of ideal being, generates its own system of ideas and meanings, the verbal representation of which involves not only directly nominative linguistic units, but also semantic tropes, namely, metaphor. Metaphor is a little-studied linguistic phenomenon in legal science, whose functioning in the language of law is denied by many researchers. However, metaphor is an integral component of the nature of law, realized in its various sources. Stemmed from the deep structures of language, metaphor allows appealing to a priori ideas of law of metaphysical level, not subject to rational argumentation, which becomes an integral part of the legal system, making the legal text understandable and accessible to the recipient. The relevance of the chosen topic is conditioned by the necessity to study the metaphorical meanings of legal language at the stage of creating law and interpreting legal realities. For this end the author uses the methods of semantic analysis, and, in general, raises interest in metaphor and metaphorical model in modern science, as well as functioning of metaphor in the legal space. The novelty of the idea underlying the paper lies in applying metaphorical models for legal texts interpretation. Therefore, the aim of this paper is to prove that metaphorical mechanisms are not alien to the language of law; metaphorical model is one of the most productive in the process of semantization of ideas of law. In the light of the above, application of linguistic tools, primarily, the methods of semantic analysis, to the study of legal language and the language of law, in particular, is relevant. Modern methodological tools of linguistics are able to supplement the traditional methods of legal argumentation and interpretation, actualizing their form and content. The main methods of the research are the linguistic-legal method, logical-linguistic method, methods of historical, contextual and motivational analysis. Frequency and universality of the mechanism of metaphorical modelling for the language of law, actualize new functions of metaphor.

Key words: language of law, legal act, semantics, semantic trope, metaphor, motivational analysis, symbol, metonymy, metaphorical modelling

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 31st July 2023

Accepted: 15th January 2024

For citation:

Yaroshchuk, I.A. (2024) Metaphorical model of semantization of ideas of law. *RUDN Journal of Law*. 28 (1), 29–43. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-29-43>

Введение

Проблема формирования и функционирования правового языка, становление и развитие которого обусловлено рамками корреляции формы и содержания норм права, определяет строго избирательный характер системы понятий, лексических

единиц, лежащих в их основе. Язык права как особый лингвистический феномен является актуальным объектом изучения, в современный период приобретающим черты междисциплинарности, исследовательский интерес к которому как со стороны правоведов, так и лингвистов возрастает в геометрической прогрессии. Несмотря на то, что среди ученых нет единого подхода относительно определения данного понятия, язык права был и остается одним из ведущих предметов исследования в трудах А.Ф. Черданцева (Cherdantsev, 2012), А.С. Пиголкина (Pigolkin, 1990), Н.А. Власенко (Vlasenko, 2022), А.Н. Шепелева (Shepelev, 2002), Г.Т. Чернобель (Chernobel, 2017), Е.А. Крюковой (Kryukova, 2003), В. Ю. Туранина (Turanin, 2017), Т.В. Губаевой (Gubaeva, 1996) и др., рассматривающих язык права как с позиции логико-языковой, общелексической организации, терминологической оформленности, так и со стороны особенностей стилевой и синтаксической реализации.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет проблема формирования семантического уровня языка права, что оказывается актуальным как на этапе создания права, так на этапе функционирования и интерпретации понятий, репрезентирующих правовые реалии. Семантизация идей права осуществляется не только посредством прямономинативных языковых единиц, но и слов, конструкций, обладающих метафорической синергетикой, позволяющей воспринимать и понимать сложнейшие, нестандартные неопредмеченные правовые реалии, запуская механизм их функционирования в правовом пространстве.

Исследование семантики языка права производилось в аспекте метафорического моделирования как процесса представления информации о правовых реалиях языковой структурой вторичного лингвосемиозиса – метафорой, которая рассматривается как одна из базовых моделей мышления, обеспечивающих обработку и хранение информации об объектах правового пространства в сознании реципиента (Maslova, 2005:45). При этом под метафорической моделью в данной работе мы понимаем первичную синтезирующую модель мыслительного процесса, выполняющую ведущую роль в переносе знаний из одной понятийной сферы в другую (Mishankina, 2010:44).

В силу относительной новизны термина «метафорическая модель» в науке не сложился еще единый подход к его определению. Истоки данного термина коренятся в русле лингвистической теории, представленной в работе М. Джонсона и Дж. Лакоффа «Метафоры, которыми мы живем» (Lakoff & Johnson, 2004), авторству которых принадлежит понятие концептуальной метафоры.

Наметившийся в наше время полномасштабный возврат к аристотелевской концепции метафоры как средству мировосприятия и миропонимания (Alefigenko, 2009:168) во многом определяет научный интерес к данному языковому феномену со стороны таких исследователей, как Г.Н. Скляревская (Sklyarevskaya, 1993), О.А. Чулков (Chulkov, 2001), И.В. Сибиряков (Sibiryakov, 2006) Н.А. Мишанкина (Mishankina, 2010), Е.В. Решетникова (Reshetnikova, 2010) и др.

Семантика и право

Первоосновой нормативно-правовых актов, их «лексическим организмом» является язык, посредством синкретических вербальных элементов однозначно и ясно кодирующий волю законодателя. Отсюда следует необходимость семантического анализа языка права, который скрывает знания, представленные в нем в нативном

виде. Это знания, часто определяемые как «очевидные», дескрипция которых осуществляется посредством циркулярно работающих методов семантики, когда отдельные признаки определяют в целом понятие, а понятия, в свою очередь, конструируются из признаков. Очевидными оказываются недостатки традиционной семантики, заключающиеся в отсутствии объяснительного инструментария относительно путей понимания текста права и систематизации тех знаний, которые для этого необходимы реципиенту. Другими словами, исследование языка права, производимое посредством рациональных методов науки, ограничивается лексическим и синтаксическим уровнями.

Рубеж XVIII–XIX вв. был ознаменован ассимиляцией рациональности мышления с правовой наукой, следствием чего явилось константное правило юридической доктрины конструировать правовые реалии посредством понятий и, как и любой другой наукой, приобретение способности к манипуляции вещами, о которой Морис Мерло-Понти писал следующее: «Наука манипулирует вещами <...>. Она создает для себя их внутренние модели и, осуществляя над этими своими условными обозначениями, или переменными, те преобразования, которые с ними разрешено совершать по исходному определению, лишь изредка, от случая к случаю соотносится с действительным миром. Она всегда была и остается мышлением, вызывающим восхищение своей активностью, изобретательностью и раскрепощенностью, изначально принятой установкой трактовать всякое сущее в смысле «объекта как такового», то есть сразу и как ни в чем от нас не зависимое, и вместе с тем предназначенное для нашей обработки» (Merleau-Ponty, 1985:9–10). Подобными «переменными», или «условными обозначениями», в праве являются понятия и категории, выступающие в качестве фундамента теории современной науки.

В русле философии И. Канта понимание определялось в качестве процесса, редуцируемого умственными усилиями, когда понятие формировалось посредством общих представлений о предмете (Kant, 2014:124–127). В связи с чем научный инструментарий понятий стал коррелировать с отдельными признаками предметов. Однако такой путь формирования понятия оказывается недостаточным, и в XIX в. эпоха становления классической теории права была тому подтверждением, когда среди ученых-правоведов высказывались мнения, критикующие данное положение. Так, согласно Р. Штаммлеру, «мы придерживаемся требования дефиниции лишь в смысле того, что содержание понятия права дается и упорядочивается внутри его границ» (Stammler, 1911:319). Немецкий правовед указывал, что форма и материя права представляют собой лишь составляющие единого правового сознания, а специфической моделью, структурирующей содержание нашего сознания, является воля субъекта, отражающая его осознанное переживание. То есть право, согласно Р. Штаммлеру, определяется сознанием, и в данном случае – это не столько рациональный подход, сколько психологический. В рамках данного подхода у ученого было много оппонентов, среди которых И. Биндер, указывающий, что «содержание сознания мы обозначаем как представление о цели, что не состоит ни в каких отношениях с тем, что обозначается Штаммлером в качестве таковой» (Binder, 1915:29). Другими словами, в свете рационального смысла права непременно коррелирует с целью, научный интерес к которой не угасает и в современный период. Воля нормодателя, зафиксированная языковыми единицами, реализуется в правовом тексте посредством понятий, репрезентирующих правовые реалии, значения которых

представляются в качестве синтеза внешнего уровня понимания в фокусе категорий «цель» и «средство».

Учение о цели являлось одним из ведущих направлений рационалистической метафизики XVII века, в рамках которого цель определялась в качестве продукта работы человеческого разума, поддающегося интерпретации посредством таких понятий, как «материя, форма, содержание, движение, причина» (Bayteeva, 2013:53).

Отождествление цели с причиной было характерно для схоластического направления. Такое понимание являлось достаточно неоднозначным, поскольку, с одной стороны, данная интерпретация цели обуславливала доступность бытия вещей, а с другой стороны, – определило ограниченность исследования физических причин с фокусировкой внимания лишь не внешней оболочке исследуемых явлений.

В русле правовой науки рассмотрение данного вопроса оказывается актуальным в свете онтологического учения, объясняющего развитие посредством конечных, целевых причин и, в частности, системы аргументов, предложенных Рене Декартом, в отношении которых М. Ридель дал определение «циркулярных» (Riedel, 1972), цепочка круговых доказательств которой, с позиций современной семантической науки, оказывается замкнутой.

Представляется возможным констатировать, что в современных реалиях семантика как наука оперирует обширным интерпретационным методическим инструментарием, позволяющим трактовать право, несмотря на отдельные лакуны данного подхода, которые возможно нивелировать посредством лингвистического анализа.

При исследовании языка права и, в частности, механизма вторичного семиозиса (метафоры) семантизации идей и концепций права актуальными оказываются положения семантики, согласно которым язык обладает поверхностной и глубинными структурами, конструируемыми посредством экзогенных и эндогенных факторов, обнаруживая как линейную, так и нелинейную текстуальность, обуславливающую его многомерность. Основываясь на данных положениях, представляется возможным в структуре языка права выделить семантический уровень, организованный не только посредством значений прямономинативных лексических единиц, но и посредством метафоры как продуктивного механизма семантизации идей права.

Современное понимание метафоры

Согласно узкому пониманию, метафора (от др.-греч. *μεταφορά* — «перенос», «переносное значение») – это троп или стилистическая фигура речи, заключающаяся в употреблении слова или словосочетания, которое номинирует определенный класс объектов, предметов, явлений, отношений и т.д., в целях обозначения иного объекта или класса объектов, сходных с данным по определенным признакам. С позиций широкого подхода к понятию метафоры относят и другие виды переносных значений лексем, когда метафора интерпретируется в качестве уникального когнитивно-лингвального инструмента постижения объектов и явлений действительности, познания сложнейших, нестандартных связей и отношений между ними. Метафора порождается не столько сходством двух объектов, возникающим в процессе речемышления, сколько их соответствием нашему предметно-чувственному, историческому опыту в силу того, что соотносимые явления или объекты являются разнопорядковыми сущностями. Метафора используется для их номинации, создает образы и генерирует новые значения.

Механизм образования метафоры представлен четырьмя составляющими – две категории объектов и две системы свойств каждого из них. Как правило, характеристика того класса объектов, явлений, отношений, который подвергается метафорическому переосмыслению, обладает национальной спецификой и относится к общему фонду знаний представителей данной лингвокультуры. Объекты разных классов сближаются благодаря метафоре, сущность которой и определяет их категориальный сдвиг. Согласование двух классов объектов и их свойств проецирует доминирующий для метафоры признак двойственности, контаминирующий в рамках ее семантической организации две составляющие – свойство актуального субъекта метафоры и образ вспомогательного субъекта.

На функциональный потенциал метафоры в своих трудах обращал внимание еще Аристотель, подчеркивая главную цель метафорического преобразования, заключающуюся в конструировании таких характеристик вербализуемых явлений и объектов, как их очевидность, убедительность и наглядность (Aristotle, 1983). Силы рационализма, определяя метафору как фигуру речи, способную породить неоднозначность и двусмысленность высказывания, стремились исключить метафору из строго научных теорий. Однако парадоксальность данной ситуации заключалась в том, что языковая реализация данной критической теории в праве Нового времени изобиловала семантическими тропами, организующими прочные связи идей права с их метафорической репрезентацией.

Со временем интерес к метафоре со стороны научного сообщества возрастал. Однако вопросы о ее гносеологической функции, а также о ее роли в научном контексте стали привлекать внимание исследователей совсем недавно. И в этом отношении особо значимыми оказались научные изыскания Х. Ортеги-и-Гассета, Д. Дэвидсона, А. Ричардса, М. Блэка, Ф. Уилрайта.

Метафора, функционируя в рамках языкового пространства, не ограничивается его внутренними структурами, выходя на экстралингвистический уровень ментальной реальности.

Необходимо разграничение таких понятий, как метафора и символ. В отличие от метафоры, для символа характерна двойная референция – первая проецирует фрагмент реальной действительности, а посредством второй символ представляет себя как таковой. Также в отличие от символа, семантическая организация метафоры не формируется различными смысловыми уровнями, метафорический механизм активизирует процесс преобразования одного смысла в другой, способствуя тому, чтобы символ нашел свое выражение в языковой материи. Поэтому метафора выступает продуктивной языковой структурой, содействующей символическому уровню права, который вуалируется семантизацией идей. Сознание редуцирует образы, которые, в свою очередь, объективизируются наукой и впоследствии посредством слов имплантируются в реальность (Luckmann, 1992). Процесс объективизации образов оказывается одной из сложных стадий, когда стираются границы между объяснением слова и объяснением явления, объекта как такового в действительности. Ярким репрезентантом данного процесса и является семантизация идей права, реализующаяся за счет проективного переноса на чужой, известный референт, продуктивной моделью которого оказывается метафорическая модель, когда «одни идеи связывают с другими, под которые «зарезервированы» определенные значения языка» (Bayteeva, 2013:168).

Метафорический уровень права

Бурное развитие когнитивной лингвистики во многом определило рост научного интереса к троповой семантике. В этом отношении язык права не является исключением, в отношении которого, по нашему мнению, вполне применимы методы указанной науки в целях выявления связей между идеей и ее вербальной репрезентацией в правовом тексте, в организации которого участвует семантический троп, несмотря на многочисленные дискуссии и скептические настроения большинства ученых-правоведов. В частности, это имеет прямое отношение к такому тропу, как метафора, функционирование которой в языке права исследователями очень часто отрицается. Однако согласно справедливому замечанию Н. А. Власенко, с такой позицией «вряд ли можно согласиться» (Vlasenko, 2022:51).

Текст нормативно-правового документа представляет собой органичное единство терминологической и символично-метафорической систем, контаминирующее фундаментальные правовые понятия и метафизические идеи априорного характера. Данный аспект современной теории права остается малоизученным и вызывает многочисленные научные дискуссии среди исследователей-правоведов. Содержательная сторона такого фундаментального понятия, как «норма права», инкорпорирует множество «микротекстов», организационные особенности которых проецируют понимание текста права. Уже внешняя сторона нормы права, получая логико-языковую, словесную реализацию в тексте нормативно-правового акта, характеризуется наличием гетерогенных языковых единиц в ее содержании, связь которых обнаруживается на уровне глубинных структур языка, где и происходит декодирование смысла, заложенного в данном тексте.

Право, как особый род идеального бытия, формирует свою систему смыслов, семантизирующихся с помощью языковых средств в целом, а отдельные фрагменты правовой реальности отражаются в знаково-символической вербальной форме и метафоре. Действительно, ведущая роль в формировании языка права принадлежит слову. Структурно-семантические единицы языкового кода, организуя нормативно-правовой акт, в целом формируют значения правового языка как на уровне создания понятий, фиксирующих правовые реалии, так и на уровне их интерпретации, реализуясь не только в прямономинативном значении, но и раскрывая свой полисемантический потенциал. Понятийное содержание лексических единиц вторичного семиозиса определяется процессом семантизации идей в праве, производимым без опоры на конкретный референт, в основе которого оказываются свойства и признаки, проецирующие введение коррелятивной пары. Данное положение имеет прямое отношение к абстрактным понятиям, не имеющим собственных коррелятов и реализующихся посредством сторонних референтов. Поэтому абстрактные понятия, как правило, воспринимаются с помощью воплощенных концептуальных метафор (Mammadli, 2022:65). Так, многие правовые реалии в силу своей абстрактности создают интерпретационный барьер их понимания реципиентом. Поэтому продуктивной моделью семантизации идей права оказывается метафорическая модель, реализующая проективный перенос на известный референт, когда новая понятийная сфера конструируется посредством известного языковому сознанию значения, которое связывается со значением понятия права.

В основе языка права и права в целом лежат символично-метафорические языковые структуры, которые участвуют в организации правового пространства.

Юридическое мышление есть призма, отражающая правовую действительность, которую Г. А. Гаджиев определяет в качестве искаженной репрезентации, поскольку право оперирует различного рода «фикциями и символами» (Gadzhiev, 2013:13).

Вслед за М. В. Байтеевой отметим, что среди идей классических правовых теорий, оперирующих троповой семантикой, в частности метафорической, оказываются следующие:

- «– идея универсализма как выражение объединения частей в целое;
- идея суверенитета как выражение обладания правом на особую власть;
- идея представительства как выражение особых полномочий быть посредником между частью и целым; дихотомии «публичное – частное» как выражение деления реального и ирреального» (Bayteeva, 2013:169).

Метафорический образ, обладающий чертами наглядности, выполняет функцию контаминации процессов символизации идей права и их вербальной реализации. В данном случае цель метафоры как изофункционального явления заключается не в том, чтобы посредством семантической субституции репрезентировать то значение, которое может быть представлено прямономинативной языковой единицей, а в том, чтобы выразить такую информацию, для передачи которой иных способов не существует. Для метафоры, как правило, характерны отношения семантической осцилляции между прямым и переносным значением, в метафорическом образе концентрируется лишь их ориентировочная эквивалентность. Для метафоры в языке права в силу ее систематического употребления («источник власти», «подрыв безопасности общества», «смягчение наказания», «политическое убежище») могут складываться отношения взаимооднозначного соответствия между прямым и переносным значением, когда метафора воспринимается как «стертая», признак образности которой зиждется лишь на генетическом уровне языковой структуры, и метафора приобретает статус фразеологизированной. С другой стороны, признак образности органично инкорпорирует содержание правового явления.

Продемонстрируем сказанное на примере образования и функционирования метафоры «политическое убежище». Российское законодательство включает нормы, регулирующие основания и порядок предоставления убежища, определяет полномочия государственных органов в данной области, в том числе систематизирует требования, предъявляемые к лицам, нуждающимся в убежище. Так, в частности, в ч. 1 ст. 63 Конституции РФ указывается, что «Российская Федерация предоставляет политическое убежище иностранным гражданам и лицам без гражданства в соответствии с общепризнанными нормами международного права»¹. Однако в Конституции РФ, равно как и в нормативно-правовых актах отраслевого законодательства, не содержится дефиниции самого понятия «убежище». Данное обстоятельство имеет существенные последствия не только относительно точного понимания лексемы, но и относительно содержания самого правового института. Подобная ситуация складывается и в научно-правовой сфере, когда внимание исследователей-правоведов концентрируется не на раскрытии сути самого понятия, а на анализе и систематизации отдельных форм убежища.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2022. N 31. ст. 4398.

В большом толковом словаре русского языка под редакцией А.С. Кузнецова под «убежищем» понимается «1. Место, где можно укрыться, скрыться от кого-, чего-либо. 2. Специально оборудованное сооружение, укрытие для защиты личного состава войск и гражданского населения от воздействия оружия массового поражения»². Политический – «связанный с политикой, то есть с государственно-правовыми сторонами жизни общества»³. Юридические словари и энциклопедии не дают дефиницию слову «убежище». В большом юридическом словаре под редакцией А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских раскрываются такие понятия, как «дипломатическое убежище», «территориальное убежище» и «право политического убежища»⁴. В юридической энциклопедии под редакцией Л. В. Тихомировой, М. Ю. Тихомирова представлено следующее толкование политического убежища: «предоставляемое государством право въезда и пребывания на своей территории иностранным гражданам и лицам без гражданства (право убежища). РФ предоставляет политическое убежище иностранным гражданам и лицам без гражданства в соответствии с общепризнанными нормами международного права, Конституцией РФ (ст. 63) и Положением о порядке предоставления политического убежища в Российской Федерации. РФ предоставляет политическое убежище лицам, ищущим убежище и защиту от преследования или реальной угрозы стать жертвой преследования в стране своей гражданской принадлежности или в стране своего обычного места жительства за общественно-политическую деятельность и убеждения, отвечающие принципам, признанным мировым сообществом» (Tihomirova & Tihomirov, 2001).

Анализ литературы позволяет заключить, что, несмотря на то, что в правовых источниках и исследованиях ученых-правоведов прямо не называется институт убежища, однако имеется в виду убежище именно по политическим мотивам. Так, в частности, Г. В. Игнатенко констатирует общепризнанность термина «политическое убежище» на государственном уровне большинства стран, поскольку, согласно ученому, «основанием для обращения лица и предоставления ему убежища считается преследование за деятельность политического или подобного характера» (Ignatenko, 2010:387).

Исследование истории становления и развития института убежища позволяет сконструировать эволюцию семантического уровня самого рассматриваемого понятия, организующегося на базе метафорического моделирования. Изначально убежище понималось в качестве того места, где можно было получить защиту от преследований. Такими местами были храмы, часовни. Далее в силу укрепления и развития государств и правовых институтов, возрастающих межгосударственных территориальных конфликтов развивались и правоотношения убежища, перейдя с уровня религиозного на территориальный. После Французской революции, как отмечает О. И. Тиунов, убежище приобретает определение политического (Tiunov, 2015:125). В современных реалиях среди оснований предоставления убежища оказываются не только политические мотивы, но и национальные, расовые, религиозные и иные. Понятие «политическое убежище», расширив семантический план

² Большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; авт. и рук. проекта, гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2006. 1534 с.

³ Большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; авт. и рук. проекта, гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2006. 1534 с.

⁴ Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. 2. изд., перераб. идоп. Москва: ИНФРА-М., 2003. 703 с.

содержания, в настоящий период употребляется по той причине, что оно является суверенным правом каждого государства, которое представляет собой политическую организацию, а все действия, исходящие от него, априори обладают политическим характером.

Семантическое пространство понятия «политическое убежище» на современном этапе определяется как интеграция эмпирического и теоретического, основанная на историко-правовом опыте. Метафора номинирует правовое явление, понимание которого сознанием реципиента без ее помощи сопровождалось бы сложностью восприятия выражаемой семантики. В таком метафорическом образовании конгломерат связей между известным референтом (убежище) и новой понятийной сферой (политическое) нивелирует уровень смысловой самостоятельности лексических единиц.

При изучении содержательной стороны рассматриваемого метафорического наименования, редуцируемого посредством лексико-семантического способа словообразования, продуктивным оказывается мотивационный анализ, предполагающий на первом этапе конструирование мотивационной пары. Так, объектом анализа является словосочетание «политическое убежище» в значении «возможность предоставления иностранным гражданам и лицам без гражданства убежища на территории нашего государства как по политическим, так и по национальным, расовым, религиозным и иным причинам» (Novikova & Zhornik, 2012:165). Конструирование словообразовательной пары включает связанные одним деривационным шагом лексико-семантические варианты: «убежище (политическое)» – «место, укрытие» > «убежище (политическое)» – «право въезда и пребывания на территории Российской Федерации иностранным гражданам и лицам без гражданства (право убежища)».

Следующий этап – выявление аспекта сравнения, основного и вспомогательного субъектов:

слово – *убежище*;

вспомогательный субъект – «*место укрытия*»;

основной субъект – «*право, возможность*»;

аспект сравнения – «*защита, безопасность*».

Основной абстрактный субъект «право, возможность» и метафорическое наименование «убежище» образуют гипонимическую пару, что является закономерным следствием метафорической номинации.

Как видим, значение правового понятия «политическое убежище», порожденное метафорическим механизмом, обуславливается признаками вспомогательного субъекта, а коммуникативно-когнитивным назначением и итоговой целью самой метафоры является эксплицирование семантических элементов из значения основного субъекта.

Особенности взаимодействия и интеграции метафоры и метонимии в языке права

Концептуальное пространство права как теоретическая система основывается на метафорико-символических конструкциях, понятиях, которые выступают в качестве объективно необходимых категорий правового мышления, направленных на упорядочение социальных отношений, разрешение кризисных ситуаций и конфликтов. Априорно одним из ведущих понятий является понятие субъекта права

(Biktagirov, 2018). Генезис данного метафорико-символического концепта правовой реальности коренится в римском праве (*persona*). Изначально данный знаковый символ понимался достаточно узко как «лицо, обладавшее правоспособностью» (*caput*) (Bortenev, Sergacheva & Kovalenko, 2017). Последнее признавалось возникшей в момент рождения человека и прекращалась с его смертью. Согласно установленному римскими юристами правилу, не родившийся ребенок также считался субъектом права, если затрагивались «выгоды зачатого» (Medvedev, 2009:64). С течением времени общественные отношения изменялись, усложнялись, в связи с чем и рассматриваемая категория модифицировалась, ее семантическая организация расширялась за счет метонимического переноса как когнитивного механизма, лежащего в основе смены ракурса концептуализации денотативной ситуации, что обусловило расширенную интерпретацию понятия «субъект права» за счет метонимической перестройки внутри семантической организации словосочетания: государство, физическое лицо – гражданин как носитель прав и обязанностей, юридическое лицо – соответствующим образом зарегистрированная организация, субъект международного права – участник международных отношений, субъект международного частного права. Однако в современный период для отдельных отраслей и подотраслей права характерна индивидуальная, разветвленная система субъектов, но в то же время отдельный субъект определенной отрасли права может входить в структуру субъектов другой отрасли, что может быть обусловлено как волей самого субъекта, так и позицией законодателя. Явление концептуальной метонимии в данном случае осуществляется на основе связи по смежности не столько на смысловом уровне, сколько в действительности, которая, в свою очередь, прокладывает путь к концепту, когда очевидными оказываются связи между составляющими компонентами правовой реальности, вербализованной посредством рассматриваемого понятия (Raducheva, 2000:242).

В данном случае метонимия является средством репрезентации значения и когнитивным механизмом концептуализации, который, в свою очередь, приращивает новые смыслы, что ведет к образованию метафоры. В рассматриваемом примере метафора ассимилируется с метонимическим переносом, а естественным для метафоры является ее дальнейшая модификация в символ. Следовательно, метонимия сыграла роль пускового семантического механизма метафоризации и символизации исходного понятия «субъект права».

Одной из центральных категорий, без которых не представляется возможным бытие права, является категория «обязанность», имеющая общенаучное значение. Она составляет содержание таких понятий, как «социальные обязанности», «моральные обязанности», «политические обязанности», «религиозные обязанности», «юридические обязанности». «Обязанность» – это понятие, указывающее на наличие правил поведения в определенной общественной сфере, безусловность которых определяется нормативными предписаниями в целях поддержания стабильности и обеспечения правопорядка. Интегративным признаком данной правовой категории является вектор поведения, признаваемый в данной системе общественных координат как должный. Результаты историко-семантического анализа понятия «обязанность» репрезентируют, что его генезис в качестве состояния долженствования строится согласно имплицативной модели модификации метафоры «долг», определяемой рядом ученых как процесс «терминологизации концептуальной метафоры»,

редуцирующей реконструируемое значение соответствующего, должного поведения. Изначальное обобщенное понятие «долг» оказывается координируемым метафорой, формирующей корреляцию предписания и принуждения, безусловного требования, вводимого метонимическим механизмом посредством концептуальной идеи «государство». Метонимический механизм построения императива «обязанность» реализуется за счет субституции знака в заданном контексте, репрезентирующем априорное правило, на знак из контекста, выражающего имплицитную идею о праве государства обязывать и принуждать. Следовательно, ситуация безусловно-нормативных предписаний представлена метонимически.

Заключение

Таким образом, метафорическая модель, являющаяся наиболее гибким и активно задействованным механизмом в процессе познания, представляет собой когнитивный инструмент специфического оперирования правовыми реалиями. Метафорическая модель позволяет интегрировать образы посредством проецирования представлений об одном объекте действительности на объекты, отношения правового пространства.

Из вышеизложенного следует, что метафора в праве играет ключевую роль в формировании и понимании правовых реалий, выступая продуктивной, синтезирующей моделью семантизации идей права. Благодаря метафоре в язык права органически вплетаются символические идеи. Метафорические конструкции языка права, формируясь на основе однотипных моделей подсознательного мышления и историко-правового, физического опыта, вуалируют различного объема и содержания информацию, диагностируемую посредством интерпретации. Абстрактные понятия правового пространства воспринимаются во многом с помощью метафор.

Метафора, закрепляясь в глубинных структурах языка, позволяет апеллировать априорными началами права, объединяя, на первый взгляд, противоположные и противоречивые понятия, которые становятся неотъемлемой частью правовой системы, делая правовой текст понятным и доступным для широкой аудитории. А с учетом того, что идеи метафизического уровня были не всегда подвластны рациональной аргументации, метафорическая семантика в этом отношении оказывается незаменимой.

References / Список литературы

- Alefirenko, N.F. (2009) *«Living» word: Problems of functioning lexicology: Monograph*. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. (in Russian).
Алефиренко Н.Ф. «Живое» слово: Проблемы функционирования лексикологии: монография. М.: Флинта: Наука, 2009. 344 с.
- Aristotle. (1983) Poetics. In: *Aristotle. Collected Works in four volumes*. Vol. 4. Moscow, Mysl' Publ., 645–686. Available at: <http://pavroz.ru/files/aristotle4.pdf> (in Russian).
Аристотель. Поэтика // Аристотель: собр. соч. в 4 томах. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 645–686. Режим доступа: <http://pavroz.ru/files/aristotle4.pdf>
- Bayteeva, M.V. (2013) *Language and law*. Kazan', Otechestvo Publ. (in Russian).
Байтеева М.В. Язык и право. Казань: Отечество, 2013. 252 с.
- Biktagirov, R.T. (2018) The subject of law as a reference category of jurisprudence. *Citizen. Elections. Power*. (2), 46–63. (in Russian).

- Биктагиров П.Т.* Субъект права как опорная категория юриспруденции // Гражданин. Выборы. Власть. 2018. № 2. С. 46–63.
- Binder, J. (1915) *Rechtsbegriff und Rechtsidee. Bemerkung zur Rechtsphilosophie Rudolf Stammler*. Leipzig, A. Deichert.
- Bortenev, A.I., Sergacheva, O.A. & Kovalenko E.N. (2017) *Roman law: textbook*. Volgograd, Publishing house of the Volgograd Institute of Management. (in Russian).
- Римское право / А.И. Бортенев, О.А. Сергачева, Е.Н. Коваленко. Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления, 2017. 136 с.
- Cherdantsev, A.F. (2012) *Logico-linguistic phenomena in jurisprudence: Monograph*. Moscow, INFRA-M Publ. (in Russian).
- Черданцев А.Ф.* Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография. М.: ИНФРА-М. 2012. 320 с.
- Chernobel, G.T. (2017) *Ideology. Law. Law: Monograph*. Moscow, Yurlitinform Publ. (in Russian).
- Чернобель Г.Т.* Идеология. Право. Закон: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. 248 с.
- Chulkov, O.A. (2001) *Metaphorical concepts of mirror reflection*: Abstract of Diss. of Candidate of philos. Sciences. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University. (in Russian).
- Чулков О.А.* Метафорические концепции зеркального отражения: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет. 2001. 19 с.
- Gadzhiyev, G.A. (2013) *Ontology of Law: (a critical study of the legal concept of reality): Monograph*. Moscow, Norma Publ. (in Russian).
- Гаджиев Г.А.* Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности): монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 320 с.
- Gubaeva, T.V. (1996) *Word of mouth in jurisprudence*. Diss. of Doctor of Legal Sciences. Kazan, Kazan State University. (in Russian).
- Губаева Т.В.* Словесность в юриспруденции: дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, Казан. гос. ун-т, 1996. 340 с.
- Ignatenko, G. V. (2010) *International law*. Moscow, Norma: Infra-M Publ. (in Russian).
- Игнатенко Г.В.* Международное право. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 783 с.
- Kant, I. (2014) *The Critique of Pure Reason*. Trans. from German by Lossky N. Moscow, Eksmo Publ. (in Russian).
- Кант Иммануил.* Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. М.: Эксмо, 2014. 734 с.
- Kryukova, E.A. (2003) *Language and style of legislative acts*. Abstract of Diss. of candidate of Legal Sciences. Moscow, Russian Academy of State Services under the President of the Russian Federation. (in Russian).
- Крюкова Е.А.* Язык и стиль законодательных актов: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, 2003. 139 с.
- Maslova, V.A. (2005) *Cognitive linguistics*. Minsk, TetraSystems Publ. (in Russian).
- Маслова В. А.* Когнитивная лингвистика. Минск: ТетраСистемс, 2005. 256 с.
- Mishankina, N. A. (2010) *Metaphor in science: paradox or norm?* Tomsk, Tomsk University Press. (in Russian).
- Мишанкина Н.А.* Метафора в науке: парадокс или норма? Томск: Изд-во Том. ун-та. 2010. 282 с.
- Lakoff, J. & Johnson, M. (2004) *Metaphors by which we live*; Translated from Engl. by Baranov A.N. & Morozova A.V. Moscow, URSS. (in Russian).
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А.Н. Баранова и А.В. Морозовой. М.: УРСС, 2004. 252 с.
- Mammadli, G.R. (2022) The problem of understanding metaphors. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 5(860), 61–67. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_5_860_61 (in Russian).

- Мамедли Г.Р. Проблема понимания метафор // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 5(860). С. 61–67. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_5_860_61
- Medvedev, V.G. (2009) Subjects of law in ancient Rome. *Science vector of Togliatti State University*. 5(8), 64–69. (in Russian).
- Медведев В.Г. Субъекты права в Древнем Риме // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № 5(8). С. 64–69.
- Luckmann, T. (1992) *Theorie des sozialen Handelns*. Berlin, Boston, De Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783110848922>
- Merleau-Ponty, M. (1985) *L'oeil et l'esprit*. Paris, Gallimard.
- Merleau-Ponty, M. (1992) *Eye and Mind*. L'Œil et l'esprit, Paris, Gallimard. Trans. by Carleton Dallery in *The Primacy of Perception*, ed. by James Edie (Evanston: Northwestern University Press), pp. 159–190.
- Novikova, A.E. & Zhornik, A.M. (2012) *Genesis and content of the institution of political asylum in the Russian Federation*. *Scientific Vedomosti BelSU. Series Philosophy. Sociology. Law*. 20(139), 163–169. (in Russian).
- Новикова А.Е., Жорник А.М. Генезис и содержание института политического убежища в Российской Федерации // Научные Ведомости БелГУ. Серия Философия. Социология. Право. 2012. № 20 (139). С. 163–169.
- Paducheva, E.V. (2000) Space in the guise of time and vice versa (to typology of metonymic transfers). In: *Logical analysis of language. Languages of spaces*. Moscow, Languages of Russian Culture Publ., pp. 239–255. (in Russian).
- Падучева Е.В. Пространство в облики времени и наоборот (к типологии метонимических переносов) // Логический анализ языка. Языки пространства. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 239–255.
- Pigolkin, A.S. (ed.). (1990) *Language of law*. Moscow, Juridical Literature Publ. (in Russian).
- Язык закона / под ред. А.С. Пиголкина. М.: Юрид. лит., 1990. 192 с.
- Reshetnikova, E.V. (2010) *Metaphor in postneoclassical cognition*: Diss. of Candidate of Philosophical Sciences. Omsk, Omsk State Pedagogical University. (in Russian).
- Решетникова Е.В. Метафора в постнеклассическом познании: дис. ... канд. философ. наук. Омск, Ом. гос. пед. ун-т. 2010. 176 с.
- Riedel, M. (1972) *Rehabilitierung der praktischen Philosophie*. Freiburg, Rombach.
- Shepelev, A.N. (2002) *The language of law as an independent functional style*: Abstract of Diss. of Candidate of Legal Sciences. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Ministry of Internal Affairs of Russia. (in Russian).
- Шепелев А.Н. Язык права как самостоятельный функциональный стиль: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, Нижегород. акад. МВД России. 2002. 23 с.
- Sibiryakov, I.V. (2006) *Metaphor: epistemological status, mechanisms of realization and role in cognition*. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. (in Russian).
- Сибиряков И.В. Метафора: гносеологический статус, механизмы реализации и роль в познании. Челябинск: Челябинская гос. акад. культуры и искусств, 2006. 129 с.
- Sklyarevskaya, G.N. (1993) *Metaphors in the language system*. Shmelev D.N. (ed.). Saint Peterburg, Nauka Publ. (in Russian).
- Скляревская Г.Н. Метафоры в системе языка / отв. ред. Д.Н. Шмелев. СПб.: Наука, 1993. 152 с.
- Stammler, R. (1911) *Theorie der Rechtswissenschaft*. Halle.
- Tihomirova, L.V. & Tihomirov, M.Yu. (2001) *Legal Encyclopaedia*. 5-e ed., rev. and ext. Moscow, Yurinformcentr Publ. (in Russian).
- Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юринформцентр, 2001. 971 с.
- Tiunov, O.I. (2015) *International humanitarian law*. 3rd ed., rev. and ext. Moscow, Norma Publ. (in Russian).

Туунов О.И. Международное гуманитарное право. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Норма, 2015. 319 с.

Turanin, V.Yu. (2017) *Legal terminology in the modern Russian legislation (theoretical and legal research)*: Diss. of Doctor of Legal Sciences. Belgorod, Belgorod State National Research University. (in Russian).

Туранин В.Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве (теоретико-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2017. 437 с.

Vlasenko, N.A. (2022) *Language of law: Monograph*. Rev. ed. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ. (in Russian).

Власенко Н.А. Язык права: монография. Репр. изд. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 176 с.

Сведения об авторе:

Ярошук Инна Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»); 308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

ORCID ID: 0000-0002-5604-549X; SPIN-код: 5556-9120

e-mail: yaroshchuk@bsu.edu.ru

About the author:

Inna A. Yaroshchuk – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Forensic Science and Criminalistics of the Law Institute of the Belgorod State National Research University (NRU «BelSU»); 85 Victory str., Belgorod, 308015, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-5604-549X; SPIN-code: 5556-9120

e-mail: yaroshchuk@bsu.edu.ru